

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИЙ
СБОРНИК

III

ИСТОРИЯ И ФИЛОЛОГИЯ
СТРАН ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1979

А. Г. Периханян

ОРДАЛИЯ И КЛЯТВА В СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ДОИСЛАМСКОГО ИРАНА

В отличие от западного — греческого и римского — процессуального права классической эпохи, не знавшего ордалии (в подлинном значении этого термина, близкородственная ей клятва применялась при даче показаний), в Иране до принятия ислама такой архаический институт, как ордалия, был законной формой разрешения тяжбы, если в рамках обычного процесса принятие решения оказывалось невозможным¹.

Обычным в сасанидском Судебнике (*Mātakdān ī hazār dā-tastān*) и в других среднеперсидских текстах общим термином, обозначающим ордалию, является *var*. Его древняя форма, *varah-* (ср. род), засвидетельствована в Авесте в том же значении². В дошедшем до нас тексте Авесты упомянуты несколько разновидностей ордалии. Это, во-первых, ордалия огнем (см., например, Y. 31, 3, 9; 43, 4; 47, 6; 51, 9; Yt. 12, 3). Отражение ее сохранилось в рассказанной Фирдоуси легенде о Сиявуше, очистившемся с помощью испытания огнем от клеветы Судабэ. В Y. 51, 9 упомянута ордалия расплавленным металлом, см. также DkM 644, 14—22, где испытание расплавленным металлом, наливаемым на грудь (*vitāxt gōd apar var gēxtan*), фигурирует в качестве одного из 33 методов (*āhang*) ордальной процедуры, введение которых приписывается Зороастру. Согласно преданию, через этот вид ордалии прошел во имя триумфа зороастрийской веры Атурпат-и Махраспандан. Третий известный из Авесты способ, это испытание кипящей жидкостью, водой или маслом (Vd. 4, 46; Yt. 12, 3, 5), или, наоборот, ледяной водой; ср. также

¹ Об ордалиях в древнем Иране см. «Encyclopaedia of Religion and Ethics», т. 9, стр. 524 и сл. (Edwards); J. Modi, Oath among the Ancient Iranians and the Persian Saogand-Nameh, — «Journal of the Anthropol. Soc. of Bombay», 1922, № 2, стр. 204—224.

² Ав. *varah-*, ср.-п. *var* (ср. также ав. *urvāta-* 'заповедь; приказ', орм. *var* 'клятва', йидга *wog* 'клятва') образованы от иран. **var-* 'торжественно заявлять' (и.-е. **uer-* 'возглашать', греч. *ἔρω*, *ῥήτωρ*, церк.-сл. *rota* 'клятва', др.-прус. *wertemai* 'мы клянемся'), см. Н. W. Bailey, Prolexis to the Book of Zambasta, Cambridge, 1967, стр. 78—79, 311.

деление ордалий на горячую и холодную (ав. *garətō.varah-*, Afr. 3, 9; ср.-п. *garm ut sart var*, DkM 711,9; 772,5—8). Видимо, к числу горячих ордалий относилось испытание раскаленным железом, о котором сообщается в персидском тексте *Saugand-pāta* (Pers. Riv. Norm. Fram., 41—51; Barth. ZHandschr., 145), форма испытания, применявшаяся также и у индийцев. Из других общих с индийскими форм ордалий отметим погружение в реку или в озеро самого обвиняемого или же предмета, над которым были произведены заклинания. У иранцев существовало поверье, будто воды озера *Frazdānav-* принимали то, что бросает в озеро правый, но выбрасывали «дар» неправого (Vd. 22, 5)³. К авестийской традиции восходит также ордалия тремя сакральными ветвями *barəstman-* (ветви гранатового дерева или тамариска), пехл. *barsom-var*, *barsmō* <k> -*varih* (DkM 701, 5—7; 706, 20—22) — термин, отражающий ав. **barəstmō.varah-*. Издревле практиковалось также испытание путем приема (питья) ритуально приготовленной жидкости: в Авесте упомянуты ордалия соком растений, применявшимся для жертвенных возлияний (Yt. 12, 3), и ордалия «содержащей серу и золото водой, способной поведать правду» (*ārəm saokəntavaitīm zaranyāvaitīm viθušavaitīm*, Vd. 4, 54, 55).

В сохранившемся тексте Авесты сведения об ордальном суде скудны и отрывочны, но в правовых насках старого канона этому институту было отведено значительное место. Так, одна из частей наска *Sakāyūm* — в Денкарте она носит название *Varastān* — была специально посвящена ордалиям, и пехлевийский текст дает обзор ее содержания (DkM 771,11—772,8). Регламентация ордального ритуала (*piṅang ī var passāxt*) была одной из центральных тем наска *Huspaṅam* (DkM 743, 12—13). Несмотря на очень конспективный характер имеющегося в Денкарте изложения и наличие в нем неясностей, из него можно извлечь немало сведений об этой процедуре. И хотя у нас нет четких критериев, позволяющих определить, какие именно из сообщаемых в Денкарте фактов восходят к самим авестийским наскам (и, следовательно, отражают более ранние формы), а какие — к более позднему комментарию этих насков, мы можем пренебречь этим обстоятельством в восстановлении общей картины этого института, включив в наше изложение также и данные, содержащиеся в сасанидском Судебнике⁴.

³ Легендарное отражение этой ордалии имеется в рассказе о семи чудесах Джамшида (= Яма-Хшаеты), а именно о шестом чуде: неправый из тяжущихся идет ко дну, тогда как правый остается на поверхности воды и подходит к символизирующей судьбу фигуре на мосту, перекинутом через реку (см. Pers. Riv. Norm. Fram., 437; Barth., ZHandschr., 152).

⁴ Издание полного текста этого памятника вместе с переводом на русский язык см. А. Г. Периханян, Сасанидский судебник «Книга тысячи судебных решений», Ереван, 1973. В дальнейшем цитируется как Сас. Суд.

Как уже было отмечено выше, в Иране даже при последних Сасанидах ордаальный суд — *dāstān pat var* — был одной из принятых форм судопроизводства, но формой «экстраординарной». Обычно тяжбы разрешались в гражданских судах, выносивших свое решение на основании процессуального рассмотрения дела (*hamēmāgih, patkār*) в рамках процедуры, описанной мною в другом месте. Как следует из Судебника, только в случае, когда обычный судебный процесс заходил в тупик, судьями выносилось решение о предоставлении ордалии. Ордалия (или ее разновидность, клятва) присуждалась, как правило, только одному из тяжущихся, точнее, одной из сторон в процессе, имевшей, по мнению суда, преимущественное на это право (*ān ī pat var vehdāstāntar*); чаще всего она присуждалась ответчику⁵. Это положение отражено также и в Денкарте⁶. Присуждение ордалии (как и права принесения клятвы) одной из сторон в процессе было обычным и для судебной практики других народов, аналогии имеются, в частности, в элефантинских папирусах ахеменидского времени⁷.

Постановление суда о назначении тяжущемуся ордалии (*va-gōmand kartan; var dātan*) фиксировалось в специальном документе, называвшемся *uzdāt-nāmak* или *nāmak-passāč* (так, вместо ожидаемого **passāč-nāmak*). Сторона, которой присудили ордалию или клятву, должна была объявить о своем согласии на нее и поставить свою подпись на этом документе⁸. Согласно приведенному в Судебнике (78, 2—11) декрету *ратов* и должностных лиц округа Арташахр-хваррз, декрету, датированному царствованием Хосрова Аношервана, ордалия считалась закон-

⁵ См. 6, 2—6; 13, 4—5; 13, 6—13; 13, 14—15 (хозяйке дома и ее опекуну, представляющим совместно сторону ответчика); 13, 16—14, 2; 14, 2—5; 14, 5—7; 14, 7—12; 92, 14—16 (двум лицам, обвиняемым в преступлении, т. е. стороне ответчика в процессе); 92, 16—17; 97, 1—3; A32, 5—7 (всем сонаследникам, солидарно ответственным по долгам наследодателя).

⁶ В эпитафе (709, 19—21), гласящей: «Которого из мужей (выступающих противниками в процессе.— А. П.) следует считать компетентным в принесении клятвы (=принятии ордалии)». Слово, читаемое мною как *paḡkān* 'мужи', Х. Бартоломэ читал *vaḡkān*, толкуя его как специальный термин, *vaḡk*, якобы обозначающий лиц, которым была определена ордалия. Однако такая интерпретация создает логическое противоречие внутри данного пассажа (уж если ордалия была определена двум или более лицам, то каждое из них — «компетентно») и расходится с вытекающим из Судебника положением, согласно которому ордалию определяли только одной стороне. К предлагаемому мною чтению *paḡkān* ср. Vd. 4, 46: *haḡm. taptibuyō aiwuyō čāxragē paḡēbuyō* «(ордалию) горячей водой устраивают они мужам».

⁷ См. A. Verger, L'amministrazione della giustizia nei papiri aramaici di Elefantina, — «Atti della Accademia nazionale dei Lincei», serie VIII, Rendiconti (Cl. di Scienze morali, stor. e filol.), vol. XIX, fasc. 3—4, 1965, стр. 87—94.

⁸ См. Судебник, параграфы 76, 4—13; 78, 2—11; 78, 14—15; 78, 15—17; ср. A19, 6—9; A23, 6—10; A23, 11—15.

ной, только если она была произведена по документально зафиксированному решению суда и в соответствии с этим документом, в котором, очевидно, указывалась и разновидность приговоренной ордалии. Вместе с тем судьи, будь то *дatabары* или *магупаты*, не имели права присудить ордалию и назначить срок явки для прохождения этой процедуры без участия *рата* в принятии решения по этим вопросам (A12, 11—13).

Ордалийной процедуре мог быть подвергнут процессуальный представитель тяжущегося, как и мандатарий, но в этом вопросе мнения сасанидских юристов расходились; если представитель не был специально уполномочен на принятие ордалии или отказывался от нее, в суд вызывали самого тяжущегося или манданта (74, 16—17, 76, 4—13; 78, 15—17). Права быть подвергнутыми ордалии и, следовательно, права давать показания под клятвой не имели рабы и простолюдины (*vēšak ut gatak*), это было привилегией свободнорожденных (92, 6—10; 97, 3—7). Однако рабу дозволялось давать показания под клятвой, если дело шло о ревиндикации им его свободы (106, 9—11).

Целью и особенностью данной формы судопроизводства является, как известно, установление истины с помощью сакрального действия, в котором предполагается участие божественной силы, участие, которое специально призывалось обрядами и инвокациями⁹. Ордалия была, таким образом, сакральным актом со строго регламентированным ритуалом. В среднеперсидской технической терминологии о ней говорится, что она «устанавливается», «устраивается», «совершается (церемониально)», *var uzdātan/sāxtan/passāxtan/varzitan*. В силу этого своего характера ордалия происходила не в зале судебного присутствия, а в специальном помещении, которое в Судебнике называется *xvāgastān*, букв. 'место клятвы'¹⁰. В Денкарте (771, 20—772, 5) также имеется упоминание (с рядом дополнительных сведений) о помещении для ордального трибунала и сообщается — косвенно — другое его название, *varastān* 'место ордалии'. В этом отрывке говорится следующее: «О том, каким образом следует окружить бороздой (*pargartan*; **pari+kar-*, ср. ав. *paigi-kara*, *AiṛWb.* 863) и отграничить место совершения ордалий (*passāxt gāh*), об устройстве помещения (*mān*), в котором совершается ордалия; о том, что следует внести в это помещение и от внесения чего следует воздержаться, что следует

⁹ В Денкарте (771, 17 сл.) ордалийной процедуре приписывается способность «с участием божественной силы (*mēnō<k>-zōrīhā*) оправдать, как и осудить (*bōxtan ut ēgāxtan*) тяжущегося», сделать так, что в том или ином проступке «скрытое становится явным». Ср. также 893, 16 сл.: «при совершении ордалии благодаря божественной силе сомнительное становится достоверным, темное — светлым».

¹⁰ Об этом слове см. Сас. Суд., Глоссарий, стр. 545.

в этом помещении оставить и чего нельзя там оставлять, и если там оставляют, насколько велико от этого губительное влияние, оказываемое на (сакральное) действие. Относительно персонала ордального трибунала — *варастана* (*varastānikān*)¹¹ и других служителей (*kārikān*), которые там (имеются). И о церемониале и формах того культового обряда (*āyazišn*), который в этом помещении надлежит производить, и о призыве богов на пошь».

Устройство этого помещения — в Денкарте (707, 3—12) оно называется также *var-gāh*, букв. 'место ордалии' — могло, конечно, меняться в зависимости от разновидности предписанной к совершению процедуры. Но необходимым элементом при совершении любой ордалии был священный огонь, перед которым давали клятвенные показания и призывали участие божества. В наске *Nikāṭum* (*DkM* 709, 21—710, 1) имелась подробная инструкция о подготовке помещения к процедуре, в частности, о том, «какие следует употреблять дрова (как горячее для огня.— А. П.) и какие виды растений больше всего подходят, а также о некотором другом оборудовании и о том ритуале (или: «о тех ритуальных формулах», *piṅang*), который надлежит совершать при ордалии». Согласно двенадцатому яшту Авесты, сохранившему описание ордальной процедуры (*Yt.* 12, 3, 4, 5), жрец, держа в руке три священных ветви барсмана, обращаясь к божеству (Ахура-Мазде, Рашну) со следующими словами: «Мы призываем, мы благословляем Ахура-Мазду (вариант: «Рашну»)! Я призываю (его) дружбу (? *ugvaθā-*) к этой ордалии приготовленной (*uzdāta-*), к этому огню и к барсману, к переливающей через край полноте, к ордалии маслом и соком растений». Любопытные детали можно найти в зороастрийском тексте *Saugand-nāma* («Книга о клятве»), позднем персидском тексте, дающем нам описание ордального ритуала в том его виде, в каком он был сохранен в зороастрийских общинах Ирана к XVI—XVII вв.¹² В соответствии с древней традицией (ее следы имеются в Авесте и в Денкарте) испытываемый (в данном случае речь идет о принесении клятвы) становился в очерченный бороздой круг (ср. *DkM* 771, 20 сл.), обратив лицо к священному огню; в этот же круг ставили ступку, которой пользуются при литургии «Ясна», и пестик ее должен был быть повернут в направлении груди приносящего клятву. Мы еще будем говорить и о других деталях описанного в этом тексте обряда, в

¹¹ Или же: «относительно главы ордалии (= *var-ōstikān*) и других служителей». Ибо не исключена возможность видеть в написании *wršt'nyk'n* искаженное *wr'wstyk'n*, засвидетельствованное в *DkM* 707,10—12.

¹² *Darab Hormazyar Rivayat*, ed. M. Unvala, Bombay 1922, т. I, стр. 47—54; *The Persian Rivayats of Hormazyar Framarz and others*, transl. by B. N. Dhabhar, Bombay, 1932, стр. 41—51.

котором соединены характерные элементы нескольких разновидностей процедуры. Вполне возможно, что такая синтезированная форма получила распространение уже в судебной практике сасанидского времени.

Регламентация распространялась не только на обряд ордалии, но и на число присутствующих и как-то участвующих в нем лиц и даже на самый порядок их входа в помещение ордального трибунала. Руководство процедурой возлагалось на специальное лицо — в Судебнике (A27, 7) оно называется *var-sardār* 'глава ордалии' (так же в пехлевийской Ясне, см. P. Yasna 34, 4; 43, 4; 47, 6), в Денкарте (DkM 707, 11) — *var-ōstikān* 'поверенный в ордалии'. Его избирали или назначали, по-видимому, из числа *ратов* (как можно заключить из A12, 11—13, организация ордального суда входила в функции *ратов*), и в его компетенцию, наряду с руководством ордальной церемонией, входило также решать: совершить ее, отложить или отменить, а по совершении — вынести приговор, как и его обязанностью было скрепить своей печатью *yazišn-pāpak*, ордальный документ, фиксирующий приговор ордального суда (A27, 7—9; ср. DkM 707, 7—8: *yazišn vičīg arar bōxt ut ēgaxt* «ордальный документ об оправдании или осуждении»). Из статьи Судебника (A13, 7—8) следует, что скрепление печатью этого документа должно было иметь место в определенный день месяца: по предписаниям Авесты это был день Артавахишт, по нормам же, установившимся в судебной практике, его скрепляли печатью в день Хордат. Все эти вопросы были изложены в наске *Nikāṭum*, или, во всяком случае, в пехлевийском комментарии этого наска, на что указывает следующая эпитома в Денкарте (707, 8—12): «А также о том, кому первым, кому вторым, третьим, четвертым, пятым, шестым, седьмым, восьмым, девятым и кому десятым следует войти в ордальное помещение (*var-gāh*) и кто там дает распоряжения. И о правах и обязанностях *вар-остикана* (*wr'wstyk'n*) в том, что касается вынесения приговора на основании признания (испытываемым его виновности.— А. П.) или на ином основании, и о (его) отречении¹³ от этого и о тому подобном».

Необходимой составной частью ордалии любой разновидности была клятва. Испытуемый должен был перед принятием ордалии сформулировать свое показание под клятвой. С другой стороны, будучи сопряжена с сакральной церемонией (клялись перед священным огнем или держась за священный предмет-медиум, служивший как бы посредником между клянущимся и

¹³ В тексте *arāc āstavānīh hač-iš*; ср.-п. *āstavānīh* (нехл. *'wstwb'nyh*) означает 'признание, исповедь', ср. маних. ср.-п. *'stw'n* 'признающий(ся), исповедывающий(ся)'; к значению 'отречение' данного слова в сложении с предлогом *arāc* ср. ав. *us + stav-* 'отрекаться'.

божеством), с призывом к божеству как к свидетелю, гаранту, судьбе и карателю, клятва сама по себе была одной из форм ордалии. Поэтому клятва и ордалия отождествлялись еще издревле, обстоятельство, сказавшееся также и на иранской терминологии. Так, *xvāgastān*, наименование помещения ордального трибунала, этимологически означает 'место клятвы', представляя сложение, первый элемент которого образован от корня **xvāg-* 'клясться' (и.-е. **sueg-*; ср. нем. *schwögen*, *Schwur*, англ. *swear*), представленного также в среднеперсидском *zug-xvart* 'ложная клятва' и в осетинском *agd xægyn* 'клясться'¹⁴. Обычное обозначение ордалии, ав. ²*varah*, ср.-п. *var* этимологически также означает 'клятва' (см. прим. 2), тогда как генерализованное в значении 'клятва' ср.-п. *sōkand*, н.-п. *saugand* первоначально обозначало одну из разновидностей ордальной процедуры, а именно ордалию водой, содержащей серу, иран. **saukanta-* (н.-п. *saugand xurdan* 'клясться' букв. значит 'пить серную воду', а не 'есть клятву', как это истолковывается народной этимологией)¹⁵. В Судебнике выражения *var varzitan/gādbēnītan*, *dāstān pat var*, *varōmand kartan* применяются безотносительно как для обозначения ордальной процедуры, так и для обозначения клятвы.

Традиционный формуляр клятвы нам известен из *Saugand-pāta*. Он состоит из трех частей или клаузул, расположенных в таком порядке: (1) обращение клянущегося к Ахура-Мазде и к язатам; (2) показание клянущегося по существу обвинения; (3) призыв божьей кары за дачу ложной клятвы. Первая и третья клаузулы носили, таким образом, стандартный характер, в отличие от второй, содержащей показание и, следовательно, составлявшей в юридическом отношении существо клятвы: ее формулировка, а также самый выбор пункта, по которому давалось показание, были важны для судопроизводства. Неудивительно поэтому, что именно эта клаузула формуляра нашла отражение в Судебнике. Так, в ряде приведенных там казусов подчеркивается, что клятва должна быть принесена «в том, что (утверждение истца) не соответствует действительности» (6, 2—6), или в том, что клянущемуся «не было известно» (о существовании долга, см. 13, 1—4; 13, 4—5; 13, 6—13), или же в том, что долг был снят (8, 16—9, 1). Свое показание клянущий мог сформулировать по-разному, не меняя его правового

¹⁴ Осетинское выражение восходит к иран. **artam xvag-* 'клясться Артой' (см. Сас. Суд., Глоссарий, стр. 545), сопоставимому с санскр. *ṛtam am-*.

¹⁵ Подобное отождествление терминов 'клятва' ↔ 'ордалия' известно и в других языках. Например, санскр. *śarāṭha-* 'проклятие; клятва' (*śarati* 'клясть', в сред. залоге 'клясться') нередко употреблялось также в значении 'ордалийный суд', заменяя более обычный для ордалии термин *divyā-*, который в свою очередь мог выступать в значении 'клятва', см. J. Jolly, *Recht und Sitte*, Strassburg, 1896, стр. 144.

эффекта (13, 16—14, 2), а если в декларациях сторон на суде было несколько взаимосвязанных пунктов, нуждавшихся в подтверждении клятвой/ордалией, то достаточно было дать клятвенное показание по одному из этих пунктов, а именно по тому, который является узловым (14,2—5; 14, 5—17); такая клятва считалась «достаточной (*bavandak*)», т. е. исчерпывающей и юридически действительной. Рассмотрение этих вопросов в Судебнике дает основание полагать, что содержание клятвенного показания и его формулировка устанавливались по выбору судьи, выносившего решение о предоставлении ордалии, и заносились им в *uzdāt-nāmak*¹⁶.

Принесение ложной клятвы (ср.-п. *zug-xvart*, см. Сас. Суд., Глоссарий, стр. 555) считалось не только тяжким грехом, ложившимся также и на семью виновного (см. DkM 778, 20—779, 2), но и, как о том свидетельствует одна статья Судебника (27, 5—9), весьма тяжким проступком, влекшим за собой значительную потерю виновным его правоспособности, в частности потерю им права распоряжения имуществом.

Поскольку различия в ритуале ордалий разных типов не имели в общеправовом отношении сколько-нибудь существенного значения, в Судебнике обычно не указывается, о какой разновидности ордалии идет речь, и даже там, где подобные указания имеются, они носят случайный характер и не дают нам адекватного представления о репертуаре разновидностей ордалий, применявшихся в судопроизводстве сасанидского времени. К тому же не всегда оказывается возможным установить, что стоит за тем или иным определением. Здесь следует также учитывать то обстоятельство, что в такой памятник, как Судебник, а тем более в Денкарт (список ордалий, отмечаемых в этом тексте, существенно отличается от имеющегося в Судебнике) упоминания некоторых ордалий могли проникнуть из более ранней традиции, практика же сасанидского периода эти процедуры могла уже не знать вовсе или создать новые, синтезированные формы.

Обратимся сначала к данным Судебника. В двух статьях этого текста (5, 9—6, 2; 13, 13—15) имеется выражение *pat tāšt*, в котором Х. Бартоломэ (*ZsR II*, 16—17) был склонен видеть указание на разновидность ордалии, а именно той, в которой центральным моментом обряда являлось прикосновение к ритуальной чаше с посвяжительной жидкостью (ср. ав. *taštəm zaofrō.baranəm*, *AirWb.* 1655). Объяснение это можно считать

¹⁶ Сходное положение существовало и в других правовых системах. Так, например, в птолемеевском Египте (местное право) судья сам составлял формулу клятвенного показания и вручал ее тяжущемуся, см. R. Tauben-schlag, *The Law of Greco-Roman Egypt in the Light of the Papyri*, Warsaw, 1955, стр. 516.

вероятным, ибо применение в ордалиях ритуальных сосудов — чаши или котла с содержимым того или иного состава и температуры — известно как за пределами Ирана, так и в самом Иране. Ритуальная чаша фигурирует, в частности, и в обряде, описанном в «*Saṅgand-pāma*». Все же такое толкование не вытекает с несомненностью из контекстов Судебника. В первом случае (5, 9 — 6, 2) вообще отсутствует какое-либо иное указание на ордалию, и выражением *pat tāšt* охарактеризовано показание истца, данное им на суде, что скорее исключает связь интересующего нас слова с ордальной процедурой. Во втором случае употребления (13, 13—15), хотя в статье и говорится об ордалии, *pat tāšt* не является, по крайней мере формально, определением слова *var*, а скорее выступает в функции обстоятельства образа действия. Не в пользу предложения Бартоломэ говорит и написание *t'št*, указывающее на долготу гласного, тогда как слово со значением 'сосуд' имеет краткий гласный, не передающийся обычно в пехлевийской письменной традиции. Поэтому вряд ли можно сомневаться в том, что здесь мы имеем употребленную адвербиально-причастную форму *tāšt*, засвидетельствованную также в SGV XI, 140; XV, 62, где *pat tāšt*, *tāštik* выступают в значении 'определенно, достоверно'¹⁷, хорошо вписывающемся и в контекст статей Судебника.

Несомненно о двух разновидностях ордалии *var ī dēnik* (?) *ut ān ī rāb nišān* говорится в 13, 1—4. Первая из них упомянута только в этой статье Судебника и была сопоставлена Бартоломэ (*ZsR* II, 13—14) с *dēnik var* в Денкарте (894, 2), но об этой ордалии не известно ничего, кроме названия, в правильности чтения которого нет полной уверенности. Быть может, она была связана с совершением обряда, который в Денкарте назван *dēnik nīrang* (771, 12—17) и, судя по контексту, применялся при ордальном суде по обвинению в колдовстве. Вторая форма ордалии в Судебнике отмечается дважды (13, 1—4; 14, 2—5), и мне кажется возможным предложить следующее объяснение ее названию. В *rāb nišān* (Ms.: RGLH *nš'n*) — второе слово возводимо к иран. **nišāna-*, причастию на *-na-* от *pi-* + *hā(y)-* 'связывать, привязывать' и, следовательно, название это раскрывается как 'связывание ног' — можно усмотреть указание на обряд, описанный в „*Saṅgand-pāma*“. Согласно этому тексту, после того как испытуемый становился лицом к огню на окруженное бороздой место (*var-gāh* в узком смысле этого слова), его ноги связывали сплетенным из пальмовых листьев священным шнуром, которым обычно перевязывали ветви барсмана (в тексте он назван *ēvanghan*, что соответствует ав.

¹⁷ Этимологию (<иран. **tāšta-* 'отрезанный') см. H. W. Bailey, BSOS, VII, 2 (1934), стр. 280—281.

aiwuyāḥana-). Шнур повязывался одним узлом на одной ноге испытуемого, вторым узлом — на другой, и делалось это во время чтения молитвы Śyaofānaṇaṃ. После этого испытуемый давал показание под клятвой.

В Судебнике названа еще *var ī pat sōkand*, букв. 'ордалия серной водой' (см. 13, 6—13; 78, 15—17), и, по мнению Х. Бартоломэ (ZsR II, 11), здесь мы имеем дело с указанием конкретной разновидности ордалии, а не с общим обозначением клятвы, каковое значение стало, как известно, характерно для термина *sōkand* впоследствии. Такое понимание вполне возможно, но контекст как первой, так и особенно второй из указанных статей более склоняет к мысли о том, что этот традиционный в правовом тексте термин (*var ī pat sōkand*) употреблен здесь уже расширительно, для передачи понятия 'клятва; показание под клятвой', без спецификации ордальной процедуры. Во второй статье он формально противопоставлен *var ī pat pātak-rassāc* 'ордалии, указанной в ордальном письме', т. е. любой конкретной разновидности ордалии (=ордальной процедуры, ордального суда), присужденной по определению судьи и указанной в ордальном документе (ср. также 78, 2—11).

В Денкарте, наряду с упоминавшимся уже в начале этой статьи делением ордалий на «горячую» и «холодную» (*garm ut sarg var*, DkM 711, 9; 772, 5—8), засвидетельствовано деление на ордалию «большую» и «малую» (*masih ut kasih ī var*, DkM 709, 19—21), а также на «тяжелую», суровую и «нетяжелую», несуровую (*apar var ī saxt a-saxt-ič*, DkM 761, 18). И хотя в этом тексте и сказано о существовании тридцати трех разновидностей (*āhang*; *advēpak*) ордалий, их названия до нас не дошли, и вполне возможно, что самая цифра 33 не отражает исторической реальности, а имеет, как полагал Бартоломэ (ZsR II, 9, прим. 3), мистический характер числа, делящегося на 11; как мы уже видели выше, в Денкарте приведены лишь две разновидности — ордалия расплавленным металлом, а также та, в которой «медиумом» служили ветви барсмана. Классификация ордалий в Денкарте дает основание полагать, что между ними была определенная градация, возможно даже предполагать существование различных ступеней внутри ордалий одного и того же типа (ср., например, DkM 712, 12: *garmō<k>var ī nitom katār?*). При назначении ордалии выбор ее был, видимо, как-то соотношен с тяжестью предъявленного обвинения [ср. DkM 709, 19—20: «О том, которая из ордалий применяется при (обвинении) в капитальном проступке»].

Решение, принятое ордальным судом, имело такую же силу, как и постановление обычного суда. По свидетельству статьи A27, 7—9, судебские прерогативы «главы ордалии» (*var sardār*) были равны прерогативам судьи-*дatabара*, а в другой статье

(A28, 5—7) сказано, что ордальный суд уступает в достоверности лишь суду верховного *магупата*. Из этого следует также, что постановление ордального суда могло, в принципе, быть опротестовано, но его пересмотр мог быть осуществлен лишь верховным *магупатом*, т. е. в самой высокой инстанции. Согласно одному свидетельству Денкарта (711, 9—11), по одному судебному делу допустимо было лишь одно назначение («требование») ордальной процедуры и только одно апеллирование к суду верховного магупата¹⁸.

Нельзя было прибегнуть к ордалии в судебных делах, касающихся малых ценностей (стоимостью ниже 48 драхм серебром) или легких проступков (см. „*Saugand-pāta*“), и от нее обычно отказывались в случае признания тяжущимся — по назначении ему ордалии — своей вины, как и при наличии у тяжущегося доброй репутации (DkM 707, 15). Уклонение от ордалии стороной, которой она была назначена, приравнивалось к контумации (*haçašmānd*) со всеми вытекающими из этого последствиями: выставлением залога, а в случае третьей неявки на ордалию — вынесением приговора неявившемуся и присуждением всех ставок процессуального залога-пари выигравшей стороне¹⁹. Как и обычный процесс, ордальный суд был платным. По *Saugand-pāta*, плата за ордалию составляла 3 драхмы и 2 данга серебром, причем расходы делились между обеими сторонами. Из Судебника же мы узнаем, что в случае назначения ордалии подопечному или рабу издержки выплачивались соответственно опекуном или господином.

¹⁸ Но ср. DkM 709, 15—16: «О судебном процессе, в ходе которого трижды совершают ордальную процедуру».

¹⁹ MhD 13,13—15. О контумации в судопроизводстве древнего Ирана см. А. Périkhaniān, *La contumace dans la procédure iranienne et les termes pehlevi haçašmānd et srād*, — «Mélanges J.-P. de Menasce», Paris — Téhéran, 1974, стр. 457—470.